

Расшифровка интервью

Дата: 15.11.2022

00:00:52

Трофимова Валентина Ивановна.

00:00:10

Где вы родились? В каком году, Валентина Ивановна?

Я родилась в Минской области, Минский район, деревня Аронова Слобода. Это под Минском. В 1938 году, 9 июня. Я уже называю как в документах.

00:00:25

Хорошо. Какое у вас образование? Где вы учились в течение жизни?

Семь классов кончила, и больше ничего. А потом я уже заканчивала курсы, ну как правильно выразиться?.. Я всю жизнь проработала в пищеблоке. Я закончила курсы официантов.

00:00:44

А семь классов где вы окончили? Где школа находилась?

В детдоме.

00:00:50

Где был детдом?

Да. Этот детдом у нас был, доченька, рядом. Была помещицкая усадьба. И когда потом в 1937 или каком году помещиков выгнали, это красивое имение сделали детским домом. Это буквально в трех километрах от нашей деревни. И когда мама умерла, царство небесное, остались два брата и я. Родственники сказали: «Ну ребята они и есть ребята, а девушку надо отдать в детдом». Ну пошли договорились с директором детского дома. Значит, утром меня в понедельник на велосипеде брат Антон отвозил, а в субботу или в пятницу вечером приезжал забирал меня, к тетке вез. Вот Прузынька моя крестная.

00:01:47

Как тетку звали?

Прузыня. А как ее перевести, я не знаю. Это старшая мамина сестра. А ее сын Антон, он на велосипеде приезжал. От нашей деревни три километра. В общей сложности до детдома шесть километров от Бровков было. До детдома шесть километров. И вот Антон меня на велосипеде забирал, а утром привозил. И вот так я там жила. А последнее время уже я там постоянно жила.

00:02:15

А в каком году в детдом вас отдали?

В каком году? То ли в 1947-м, то ли в 1948-м, я уже, дочка, не помню. Ну где-то вот в эти годы. Девять, восемь-девять лет, вот так вот было, когда меня [отдали].

00:02:31

А как он назывался? Вы не помните название примерное хотя бы этого детского дома?

Семковский детдом. Семковский детский дом. Это рядом с нашей деревней.

00:02:45

После детского дома вы поступили на курсы?

Нет. После детского дома брат, Юзик, уже закончил ремесленное училище в Минске, и им было распределение. Брат старше меня на десять лет. И им было, они взяли, трое друзей взяли

распределение в Подмоскowie, в Ивантеевку. И когда мне исполнилось 16 лет, он приехал, продал дом и меня забрал сюда, в Россию, в Москву. И я сюда приехала в 1954 году. Как раз мне 16 лет исполнилось. И вот с 1954 года я в России.

00:03:32

И здесь дальше вы попали куда? На работу или на курсы?

Сначала я жила у брата, нянчила его детей, была нянькой. Никуда они меня не отдавали учиться, хотя я просилась учиться. Мне не до учебы было. Надо было нянчить его — вот показала я — два сына его, Володя и Миша. Я нянчила их детей. Потом, значит, это... Ольга меня устроила на Тонкосуконную фабрику имени Рудой. Это в Ивантеевке, где мы жили. Я пошла в 17 лет крутильщицей на тонкосуконную фабрику. И барак сломали, нас переселили. Они получили трехкомнатную квартиру. Я работала на тонкосуконной фабрике, повторяюсь, и мне 18 лет уже исполнилось. С вечерней смены иду я домой в полдвенадцатого ночи, вечерняя смена кончалась. Там городок Ивантеевка небольшой, и мы жили близко. Поднимаюсь на пятый этаж, где квартира, смотрю — мои вещи на площадке. А какие вещи? Мамина зингерская машина, подушки, ну и мои тряпочки, что было одевать. Открываю ключом дверь — дверь изнутри не открывается. Я стучу. Отвечает мне сноха Ольга. Она говорит: «Мы с Юзей разошлись, и ты отсюда уходи». Это полдвенадцатого ночи. Мне, восемнадцатилетней девчонке. Я говорю: «Оля, дай хоть переночевать. Куда я ночью пойду? Куда?» А морозы были тогда сильные. Я заплакала и пошла, ну пошла к подружке. Прихожу к подружке. А подружка моя жила: мать, сожитель матери и она в девятиметровой. И я пошла к ним. Ну куда мне деваться ночью, дочка? Пойми меня правильно. Прихожу, Полина Михайловна, царство ей небесное, открывает дверь. Я вся в слезах. Она говорит: «Что случилось, Валя?» Я говорю: «Юзик ушел, а Ольга не пускает меня домой. Я не знаю, что мне делать. Мне ночевать негде». Она Гале говорит: «Хватит, вставайте, затащите Валины вещи сюда». И подружка, мы пошли притащить вещи. И я всю зиму, пока открылся дачный сезон, — а у них была дачка рядом, на девятом километре, — мы жили, я жила у подруги. А брат даже не появился. Дети идут, бегут, увидят меня — кричат: «Няня, няня!» А сноха увидит, шлепнет их: «Не подходите к ней, не подходите! Она вам никто». Это был первый мой страшный день, когда я вот так вот. Ну, потом на работу выхожу — у меня обрывы, всё. Пошла, чтобы прописаться где-нибудь. Пришла в милицию. А мне и говорит: «Ха, 18 лет! — это уже был 1957 год — Такая красивая девица! Сейчас кругом стройки. Что ты уцепилась в эту Москву?» Я цитирую слова, что мне говорили. Я думаю: куда же я поеду? Я сюда-то, брат меня выкинул. А куда же я еще поеду? Восемнадцатилетняя девчонка, не соображаю ничего. Еще 18 не было. Ну, пришла работать. У меня обрыв, а 360 веретен обслуживала, если ты представляешь, что такое тонкосуконная фабрика. У меня было две машины и четыре сторонки, вот эти цевки крутятся, шпульки, порусски. Иду, идет мастер Зинаида, а у меня обрыв, я за слезами ничего не вижу. Она остановила мне машины и говорит: «Валя, что случилось?» Я ей рассказываю. Она говорит: «Пойдем в кабинет». Зашли в кабинет мастера. Она говорит: «Как так?» Я говорю: «Ну вот Ольга выбросила меня». Я говорю: «Я не знаю. Походила в милицию, мне говорят: езжайте». А тогда строго, тут же фестиваль начинался в 1957 году молодежный. Москву зачищали. А меня выселять с Москвы. Она и говорит: «Пошли к директору». Пошли к директору. Идут люди добрые мне навстречу. Пришли к директору. Она ему и говорит: «Такая работница, такая старательная девочка! Ну вот нет...» А общежития от фабрики нет. Он тогда и говорит: «Так. Стоит ее оставить у нас?» Зина говорит, мастер: «Стоит, даже надо! Ты посмотри — 360 веретен обслуживает одна, две машины таких! Она волчком крутится. А что с ней дальше будет?» Он говорит: «Всё, я беру всё на себя». Он позвонил в милицию, договорился. И мне там сказали: «Найди частную [квартиру]». И фабрика сказала: «Мы пропишем тебя и будем платить, только найди частную». Я нашла у бабульки комнатку. Наверное, метров шесть, кровать стояла и тумбочка. И я у бабулечки этой прописалась и жила.

00:08:46

А как вы нашли? Как вы нашли бабулю с комнатой?

А город Ивантеевка небольшой. У тебя спросила, у тебя спросила, друг другу и говорят. Говорят: «Ой, к Чевардаевым иди, они комнатку сдают». Фамилию помню даже до сих пор. И пошла к Чевардаевым.

00:09:03

А сколько стоила комната?

Дочка, я не помню. Я не помню.

- 00:09:08 **Валентина Ивановна, давайте к вашей семье пока вернемся. К вашей маме вернемся. Как была фамилия вашей мамы девичья? Как ее звали?**
- Каморник Прасковья Ивановна.
- 00:09:23 **В каком году она родилась?**
- В 1900-м. Месяц, конечно, я не знаю. Это я в деле уже узнала, что она в 1900 году [родилась]. Вот в деле отца, когда я смотрела там, я узнала, что год мамин 1900-й.
- 00:09:39 **А где она родилась?**
- Тоже не знаю. Это просто я в деле [нашла], там написано: Каморник Прасковья Ивановна 1900 года рождения.
- 00:09:51 **А когда мама умерла?**
- Ну вот я уже не помню. То ли 1947-й, то ли 1948-й.
- 00:09:57 **А сколько вам лет было, когда мама умерла?**
- Ну то ли восемь, то ли девять. То ли семь, то ли восемь. Ну это я такое уже, знаешь, с памяти стерлось. Вот война не стерлась с памяти.
- 00:10:10 **А вы по счету какой ребенок у вашей мамы?**
- Я седьмая, поскребыш, как у нас в Беларуси говорили: ой, поскребыш, Проська поскребыша родила.
- 00:10:19 **Что это означает?**
- Последыш по-русски.
- 00:10:23 [нрзб] вопрос. А твои вопросы будут звучать?
- 00:10:26 **Нет.**
- Знаешь, когда мы снимали, мы просили, чтобы полный ответ был. То есть, например: «я в семье седьмой ребенок» — чтобы было понятно.
- 00:10:35 **Спасибо, да. Тогда давайте еще раз.**
- То есть тоже, «мою маму зовут», например, не короткий ответ.
- 00:10:40 **Хорошо. Валентина Ивановна, давайте я буду задавать вопрос, а вы будете полной фразой отвечать. Вот я вас спрашиваю: как зовут вашу маму? Как девичья фамилия? Вы говорите: моя мама такая-то, такая-то.**
- Да, потому что вопросов не будет на видео, только ваши ответы.

00:11:01	А, хорошо.
00:11:01	Чтобы было понятно.
00:11:02	Давайте еще раз. Как зовут вашу маму? Маму мою зовут Каморник Прасковья Ивановна.
00:11:11	В каком году она родилась? В 1900-м.
00:11:14	«Мама родилась», полную фразу скажите. «Мама родилась...» В 1900 году.
00:11:24	Так, ладно. Какой вы ребенок по счету в семье у мамы? «Я у мамы...» Я у мамы седьмой ребенок. У мамы до меня было еще два сына и два брата. Я седьмой ребенок.
00:11:42	А вот мама во сколько... Когда ваша мама умерла, сколько вам лет было? То ли семь, то ли восемь. Я четко не помню, дочка.
00:11:55	А теперь можете сказать, что «мне было столько лет, когда мама умерла»? Полная фраза. Мне было, наверное, восемь лет, когда мама умерла. Ну пускай остается так.
00:12:07	Но вы этого не помните. Я уже не помню. Всё стерлось в памяти, дочка.
02:12:16	А что вы помните о своих братьях и сестрах? Вот два брата и две сестры умерли, я их и не знаю. А вот два брата мои, Владимир и Юзик, этих я... Юзик меня вот в Москву забрал, царство ему небесное. Они... Второй, Владимир, он ликвидатор был Чернобыльской АЭС. После ликвидации он прожил два года и умер. Вот два брата мои умерли уже в моем зрелом возрасте. Я их уже знаю.
00:12:49	Всех остальных вы не знаете? Не знаю. Они до меня [родились] и умерли до меня. Просто я на кладбище ходила и знаю, что там похоронены Лагунович Михаил Иванович и Лагунович Иван Иванович. И Лагунович Вера Ивановна и Лагунович Полина Ивановна.
00:13:09	Это ваши сестры? Это мои две сестры и два моих брата, которые там высечены на табличке. До меня они... Я их не знаю и не видела. А вот видела только двоих братьев, Владимира и Юзика. Юзеф.

00:13:26	Полное имя Юзика? Юзеф. Его так всю жизнь все звали: Юзик, Юзик, Юзик.
00:13:34	На сколько лет ваши братья вас старше? Юзик — на 10 лет. Юзик с 1928 года. А Владимир с 1936 года. Володя на два года меня старше, а Юзик на 10 лет меня старше.
00:13:53	В каком году братья умерли? Юзик, и в каком Владимир. Юзик умер, ну, где-то 1970-й, я точно не помню. А Владимир умер, 1986-й [год], была ликвидация Чернобыля, значит 1968-й. Нет, 1988-й. 1988-й. Владимир умер в 1988-м.
00:14:22	Валентина Ивановна, теперь скажите, как зовут вашего отца: имя, отчество и фамилия? Моего отца зовут Лагунович Иван Ильич, 1897 года рождения.
00:14:39	А где он родился, вы знаете? Не знаю, это я только в деле узнала. Когда дело отца смотрела, вот там я узнала год рождения отца. Всё.
00:14:50	Место рождения отца вы не знаете? Не знаю, не знаю. Ни матери, ни отца я не знаю. Просто я в деле посмотрела и знаю год рождения отца и матери.
00:15:01	Теперь скажите, пожалуйста, полной фразой. Вашего отца расстреляли? Расстреляли.
00:15:07	«Моего отца расстреляли». Моего отца, Лагунович Ивана Ильича, 28 февраля 1938 года забрали. Ночью воронок приехал, как рассказывали соседи, и ни слуху ни духу. А расстреляли, вот его 28 февраля забрали, а 14 марта его уже расстреляли. Это расстреляли в Куропатах под Минском. Это я в деле узнала. Под Минском есть такое место. Он даже сейчас, в ГУЛАГе я была, и там показывали место Куропаты. Там такое место, говорят, земля неделю стонала, потому что выкопан был ров, их стреляли и туда кидали. Кто был ранен, кто живой еще, и говорят, земля неделю стонала. Это под Минском, Куропаты вот эти.
00:15:56	А вам рассказывали, чем занимался отец? Какая была профессия? Он был кузнецом в колхозе. Кузнец.
00:16:04	А колхоз где находился? А вот в Минской области, в деревне Слобода, где мы жили. Колхоз имени Молотова был тогда.
00:16:13	И отец был кузнецом?

Да.

00:16:16

А сколько отцу было лет на момент, когда его расстреляли?

Сорок, отцу на момент расстрела было 41 год.

00:16:25

А что-то о родителях отца вы знаете?

Ничего.

00:16:30

«Я ничего не знаю о родителях...»

Я ничего не знаю о жизни родителей отца.

00:16:36

О родителях матери вы что-нибудь слышали?

Тоже ничего. Единственное, что я узнала их год рождения, это из дела отца, когда читала дело отца, там было всё написано.

00:16:48

Там было что написано?

Написано, что мать — Каморник Прасковья Ивановна 1900-го [года рождения], а отец — Лагунович Иван Ильич, 1897 года рождения. Вот всё, что я знаю о родителях.

00:17:01

А об их родителях? О дедушках и бабушках?

Ничего. Ничего.

00:17:07

«Я ничего не знаю о дедушках и бабушках».

Я ничего не знаю о дедушках и бабушках

00:17:14

Так, хорошо. Перейдем к детству. Расскажите еще, пожалуйста, где вы жили. Вот эта деревня, что вы помните? Что вот в памяти осталась о деревне? Как-то опишите нам ее.

Деревня очень большая. Наша деревня Аронова Слобода очень большая. Я родилась 9 июня 1938 года. В 1941 году началась война. Мы было три годика. И когда немцы нас взяли, как говорится, оккупировали нас, в нашем доме стоял военный немецкий штаб, потому что дом был хороший наш. И у нас стояли на постое немцы. Немцы расстреливали все деревни, жгли, и людей стреляли. Но немцы не столько были жестокие, как были жестокие финны. Финны — это были звери, они и на кол детей сажали. Я всё это, дочка, помню. И мы, значит, днем мы были в доме, а на ночь — у нас кругом леса, — а на ночь собирались, были такие клетчатые платки. Я маленькая, чебурашка. Мама через плечо этот клетчатый платок повяжет, чего-то там туда положит еще, типа скринку хлеба или бутылку воды или молока, что-нибудь еще. И вот все бежали в лес, потому что ночью немцы жгли деревни. Днем они жили, воевали, а ночью они жгли деревни. И чтоб нас, чтоб мы пришли домой, чтоб деревня была целая, значит, мы выходили в леса к так называемым партизанам. А на посту стояли немцы. У меня в памяти отложилось, немцы очень хорошие. Я была беленькая, как мне немец говорил всегда: «Это наш ребенок, это арийка. У нее голубые-голубые глаза и белые-белые волосы. Это, — говорит, — арийский ребенок». По головке меня погладит: «Киндер, ком-ком-ком ко мне». А мама меня сзади по попе — шлеп. «Не подходи! Не подходи!» А как же я не пойду, дочка, когда у него в руках шоколадка и губная гармошка? Ну а ребенку, мне уже было четыре года, ну куда же не пойдешь? А он, бывало, скажет, немец: «Матка, у меня драй киндер. Киндер гут-гут-гут». Вот отложилось в памяти. Всё помню. Что было дальше, я не помню, а вот войну — как будто это

было всё вчера. И в 1944 году, в августе месяце, нас освободили. Вот на сегодня наметили немцы жечь нашу деревню, на сегодня. Мы ночью были в лесу, а сегодня должны были жечь нашу деревню, потому что две другие деревни, Колоницы, Селюты, уже сгорели. Всё сожгли рядом. С людьми вместе. Сгоняли в хлев и поджигали всех, с людьми вместе, все горели. И нашу Слободу уже наметили на сегодняшний день, допустим. Но мы идем, а тут уже гремят и едут танки по деревне. Наши освободили нас. И вот, как помню, все с дома всё выносят, что у кого было, хлеб там. Ну, всё, что есть дома. Столы на улицу выносят. Танки едут, на танках едут эти солдатики, и кричат все: «А моего в Петьку не бачил? А Степку моего не бачил?» Где он там его бачил? Ну, это я по-русски уже, по-белорусски так у меня выскакивает. Ну, и всё, нас освободили в августе 1944 года.

00:20:58

Вам сколько лет на момент этот было?

1944-й, это мне уже было 10 лет. Не. 1938-й, 1948-й.

00:21:10

Шесть.

Шесть лет. С возрастом я уже путаюсь. Так что вот войну я помню, дочка. Всё, нас освободили в 1944 году. В августе месяце.

00:21:22

Валентина Ивановна, давайте к родителям вернемся. Какие у вас в памяти остались воспоминания о маме? Ну, хотя бы какие-то.

Моя мама была хорошая ткачиха. У нас в доме у мамы стояли свои кросна.

00:21:41

Еще раз, что стояло у вас в доме?

Кросна. Ну как по-русски выразиться, господи? Ну, ткацкий станок, по-русски я уже так сказала. А у нас по-белорусски называется самодельные кросна. И моя мама очень красиво ткала скатерти и половики. И все приносили к ней, она ткала. Ну, большой, типа вот отсюда и до стенки, вот такой вот был большой станок с этими штукаами. Гоняли шпульки туда-сюда, и мама ткала. И у нее были разные нитки. Вот это мне запомнилось. А ногами перебирала, там, наверное, 10 этих ступенек было. Ну, дощечек. И я, бывало, залезу к ней на колени. Говорю: «Мама, ну дай я». Она мне говорит: «А ножки-то не достают у тебя до дощечек, чтоб ты перебирала». Я: «Мамка, я же тоже хочу ткать. Вот я вырасту, буду такая же ткачиха, как ты. Я такие буду красивые скатерти ткать, как ты». Вот это мне запомнилось, мамка моя. И когда ушла из жизни, у нее были скатерти красивые, всё растащили. Сестры всё захватили. Ничего памяти материной не осталось. Ну, что еще, дочка, сказать?

00:23:02

А помните, как мама выглядела? Образ мамин у вас в памяти остался?

Остался. Красивая. Волосы очень длинные, густые волосы были. Носила всегда вокруг головы вот так вот, типа косой такой. Мама красивая была. И все говорили: мать красивая, Проська красивая. Ну, а что теперь? Образ у меня перед глазами. Вот я сделала портрет их, соединила отца и мать. Только разновозрастные. И всегда люблюсь на них.

00:23:36

А когда вы немного подросли, вы у мамы спрашивали что-то об отце? Где он?

А тогда было запрещено всё говорить. Отцовская родня, дочка, все отказались от матери, потому что нельзя было говорить ничего: забрали и забрали. Кто, что, чего — нет. И вот даже матери говорили, это потом мне родственники говорили, что сказали: «Откажись от отца, от мужа, что у тебя мужа не было, что ты родила детей просто сама, ну так». Мама не отказалась, а родня отца — все отказались. Лагуновичи все отказались. И с мамой никто не знался. Мама была одна сама по себе, потому что это было запрещено. Моя мама Прасковья Ивановна от отца не отказалась, а вот вся родня, отцовская, Лагуновичи, все отказались от отца. Все, никто не знал, и мать ходила одна как неприкаянная. Все ее игнорировали, все, видя на улице мать, обходили ее стороной.

00:24:46

А что вы узнали про своего дядю Лагуновича? Каморника?

Ну вот когда я приехала к нему... Каморник, дядька. Я когда приехала к нему... Я когда почитала дело отца, там четко написано третье заявление: Каморник Иван Иванович. Я думала, что я поседею от таких слов. Я поехала к нему, приехала, у него, как раз он сдавал дом, ну типа новоселье было, там они все. Я выпила, там брату сказала: «Налей мне». Три лафитника выпила водки, а он так смотрит на меня, брат, говорит: «Валь, ты что, я тебя с роду такой не видел». Я говорю: «Ладно, отстань». Я подхожу к нему, сажусь, к дядьке, рядом и говорю: «Дядя Ваня, а теперь у меня вопрос к тебе. Скажи мне, пожалуйста, как у тебя поднялась рука написать на своей сестры мужа заявление, что он плохой человек?» Он на меня глаза поднял, единственное, что он мне ответил: «Откуль ты это всё узнала?» Вот единственное: «Это же должно быть в секрете» — вот его слова. И он раза три повторил мне: «Откуль ты это всё?..» Я говорю: «Всё, я дело отца читала». Я говорю: «Вот если бы ты не подписал третье заявление, может быть отца и не расстреляли, а ты своей сестры мужа на смерть послал. Это только ты». Я в него плюнула, развернулась и ушла, и больше я его не видела. Потом братья говорили, что он там и плакал, всё, что его заставили, но это я не верю ничего. Но факт то, что вот эта третья подпись — дядьки. Я говорю: «Ты нас сиротами оставил, и отца расстреляли». Вот весь сказ, а больше я его и не видела. Он прожил до 93 лет.

00:26:43

А сколько лет прошло, сколько ему было лет на момент, когда вы ему это сказали?

Ну это я узнала, значит, где-то, ну где-то 1970-е годы, я уже замужем была, уже взрослая. Ну сколько ему было? Ну лет, наверное, 75, может 80. Я точные даты не помню.

00:27:09

То есть уже прилично?

Прилично, я даты все эти не помню, потому что... Я туда ездила всё время, меня тянуло на родину. Во-первых, могила матери тянула, я каждый год туда ездила, и у всех родных останавливалась, и в том числе у дядьки. Он всегда меня принимал, очень даже хорошо. Но он так и знал, сказали, что это никогда в свет не выйдет.

00:27:33

Это он вам сказал?

Да. Что было всё засекречено, вот он и повторял: «Как ты это всё узнала?» Я говорю: «Я дело отца смотрела в минской прокуратуре, и там твое заявление». Я говорю: «Как ты мог? На сестру родную оставил троих детей». Живы были мы, Юзик, Володя, я, нас трое, четверо-то в земле лежали. Вот всё, что я знала, моя хорошая.

00:28:00

А два других заявления кто подписал?

Фамилии были, но я уже их теперь [не помню]. Они меня не интересовали, меня главное интересовало, что дядька, родной брат матери. А тех тоже, тоже там они деревенские люди, не в нашей деревне, а рядом жили. Но что они. Меня эти люди не интересовали.

00:28:22

А если бы мать узнала ваша, что ее брат подписал, как вы думаете, как бы она [отреагировала]?

Ну а что бы она отреагировала? А что бы она сказала? Что можно было за прошедшее время... Мать моя тоже добрая, все говорят, была, всем помогала, всё тянула, работала. Ну, милые мои, что бы она могла сказать? Не вернешь отца детям.

00:28:49

Ваша мама полька по национальности?

Моя мама по национальности полька. И у нее, значит, пять сестер и один брат, вот шесть человек их было. А где они, откуда они, какая там... Ну это Польша там рядом, так их и звали пшеки, поляки.

00:29:15

По-белорусски пшечки?

Да. «Ой, пшечка, пшечки пошли». Ну мои польки, моей мамы сестры, все очень красивые, очень красивые были девки все. Прямо тетушки мои и сестры, дети их, очень красивые.

00:29:33

А ваш отец по национальности?

Белорус, мой папа по национальности белорус. А откуда, что он, дочка, я не знаю тоже. Вот это я всё... Потому что никто ничего не рассказывал.

00:29:51

Вернемся к вашему детству. Когда мама умерла — в 1947 году примерно, да?

Да.

00:29:58

Вас отправили родные, вас отправили в детский дом, чтобы вы получили какое-то образование там, правильно?

Не только образование, дочка, чтобы я хоть не брошенная была. А что мне, ребенку? Девочка в деревне — что это такое? Сами понимаете, тем более в те послевоенные годы: карточки были, всё, как жить? Ребята вот... Говорят, когда мама умирала, она просила Зосю, самую младшую свою сестру, она просила Зосю и Авдотью, это мне уже они рассказывали, она говорила: «Хлопцы — ничего с ними не будят, хлопцы выживут. Вы только дивчину мне не бросайте, берегите девку мою, Вальку. Вот самое главное — помогите Вальке подняться. А хлопцы, ничего с ними не будет, а это детеныш, Валька». Вот они говорили: «Мы Проськин наказ выполняем». Вот правильно, хлопцы в хате одни, а тебя вот определили в детдом, и то определили, я говорю, Антон меня утром на велосипеде привозил, а вечером в субботу забирали. На выходной я была в деревне, у своей крестной, Прузинка, это деревня Бровки.

00:31:16

Это сестра матери?

Это сестра матери, да, самая старшая сестра матери. И вот сейчас, у меня было много сестер двоюродных, и вот сейчас все поумирали, а вот сейчас вот эта Прузынкина дочка, Соня, вот мы с ней остались две сестры. Сейчас перезваниваемся, она мне и говорит, она с 1936 года, ей 86 исполнилось, мы перезваниваемся, она говорит: «Валька, вспомни, с Бровков только ты да я остались. Столько было всех сестер, все уже там с нашими родителями, а мы с тобой еще на этой земле. Так что, Валька, давай жить до 100 лет». Я говорю: «Сколько Господь даст, столько проживем». Вот мы с этой, с ее, с материнной дочкой, с Соней, моей двоюродной сестрой, мы остались теперь вдвоем, две сестры.

00:32:07

А что вы помните из того времени, когда вас привозили на выходные в деревню, чем кормили, какая еда была тогда после войны?

Обыкновенная деревенская еда: картошка, яйца, сало. Сало у всех было, в Белоруссии поросятков и свинок держали в каждом доме, это всё, сколько я помню, у всех было, свинина всегда. На утро сварят кашу и яшню, как у нас говорили, яшню пожарить с салом, скварку, скварку и яйцо — вот весь завтрак.

00:32:45

А в детском доме какая была еда, какое было отношение в детском доме?

В детском доме было отношение «выживает сильнейший». Вот мы, например, у нас была четверка: Лиля Скоробогатая, я и еще там две девчонки. Мы жили в одной комнате. А у нас речка текла рядом с детдомом, и как начиналась весна...

00:33:09

Как называлась речка?

Не помню, ну речка и речка. И мы ходили, ну я по-белорусски не буду говорить, черемуха, это по-белорусски какалуга. А она же, а у нас же Минск рядом, и рядом проходила трасса, с

Польша шла трасса до Минска. А от наше[й] деревни до Минска было где-то километров восемь. И вот мы к речке пойдем, черемухи наломаем, простынь возьмем, сложим и выходим на трассу. И едут «полторки» машины тогда, поднимаем, станем, а за спиной простынь с черемухой. Поднимаем: «Дядечка, довези до Минска». — «Байстрюки, садитесь, — детдомовские байстрюки, вот так называли, — садитесь, детдомовские байстрюки». Мы садимся, он: «Ну куда, на базар, до базара?» — «Да, дядечка, до базара довези». Начало Минска, до Новинок, и он нас высаживает, мы тут же на базаре продадим эту черемуху, булочки купим, мороженое — и довольные бежим домой. Потом начинается черемуха, ой, сирень. Мы так же продавали, так же вот на «полторке» нас дядьки возили. Вот у нас что [нрзб]. А однажды сады деревенские зачищали. Не хватало всего, ходили ночью, после отбоя ходили пустошить деревенские сады. А однажды наша подружка не пошла, и она нас предала. Знаешь, как мы ей темную делали? Вот это никогда не забудем. Мы приходим, значит, вот здесь завязали всё, а сюда напхали яблок полно и пришли домой в комнату, а нас уже воспитательница ждет. И развязывает пояс — и яблоки все посыпались. Потому что мы же сюда заложили. А кто ж там? Лилька Скоробогатая не пошла с нами и нас предала. Мы собрались трое, положили на нее подушку, и, чтобы синяков не было, мы ее через подушку дубасили. Знаешь, как дубасили? На всю жизнь мы ее отучили от этого. Тогда она уже и сказала: «Никогда больше не предам и никого». Там была жестокая дисциплина между собой, если что-то ты сделаешь, там свои накажут, там не ждут воспитателей. Вот это было, вот это запомнился мне вот этот [случай], как мы яблоки сад опустошали и как мы Лильку Скоробогатую лупили через подушку. Вот так вот каждый себе, сколько можно было, столько мы ее налупасили. И синяков нигде не было.

00:36:12

Валентина Ивановна, а вот вы были в детском доме, какие дети там были, откуда? Были ли там дети, у которых вот так же расстреляли родителей, говорил ли кто-то об этом?

Об этом никто не говорил, и никто ничего не знал, были дети разных, кто на фронте погиб, кто в партизанах погиб, разные были дети, отказники, всё, а кто там, чего там? Так и я же не знала. Мы там были все, все были равны, никто ничего не знал.

00:36:46

А знали ли соседи о том, что отца расстреляли?

Не знал никто, забрали, воронок приехал ночью, забрали — и всё, и с концами. И вот пока уже я в 1994 году, пока я на пенсию не пошла, не поехала узнавать. Случайно вот я в 1994 году, идут разговоры: «репрессии, репрессии, репрессии» — а я на пенсию пошла, а у нас военкомат вот он рядом. Думаю: что за репрессии? Вот как будто меня кто-то подтолкнул: у тебя ж отца забрали — и ни слуху ни духу. Вот уже — 1994 год. Я пришла в военкомат и говорю, я говорю: «Слушайте, вот у меня в 1938 году забрали отца, и ни слуху ни духу. Что это за репрессии?» А мне в военкомате говорят: «Он военный был?» Я говорю: «Нет». Он говорит: «Ну идите в администрацию, тут рядом администрация, скажите, и вам объяснят». Я прихожу, тоже тот же вопрос задаю, они мне и говорят: «А вы знаете, где отца забрали?» Я говорю: «Конечно, мы там жили, и там рядом в детдоме я была». Она и говорит: «Мы можем сделать запрос в Минскую областную прокуратуру, но лучше, если это сделаете вы». Я спросила, как это надо сделать, она мне подсказала, женщина такая хорошая, она мне сказала. Я свое написала, своей рукой заявление: такая-то такая-то, проживала там-то там-то, вот в такое-то время. Ночью забрали отца, и ни слуху ни духу, всё». И отправила в минскую, как она мне сказала, Минская областная прокуратура, я так по этому адресу заказное письмо, пошла на почту и отправила. И через две недели, дочка, мне пришел ответ, заказное письмо, и всё изложили. Я рыдала, я не знала, вот тут в 1994 году я и узнала, что мой отец враг народа, что у него на чердаке и пулеметы, и автоматы, и что у него столько всякой всячины, что он такой враг, вот только в 1994 году, дочка, я и узнала.

00:38:56

Но вы же до этого момента знали, что отца забрали, забрал воронок?

Всё, и с этим закончено.

00:39:04

Откуда вы это знали?

Родители сказали, соседи сказали.

00:39:08

А что вам сказали? Что вам мама сказала?

Мама то же самое сказала, что ночью приехала машина, отца вызвали, забрали — и ни слуху ни духу, всё.

00:39:18

Она это сказала, наверное, старшим братьям?

Ну, наверное, конечно. Меня-то на свете не было, я-то еще ничего.

00:39:25

Братья передали вам что-то?

Ну да, и соседи говорили, все там говорили. Ночью Лагунка, вот как батьку звали, ночью, говорят, приехала машина, Лагунка забрали, увезли, и ни слуху ни духу.

00:39:37

А братья старшие что про отца говорили?

То же самое, они ничего никто не знали, доча, никому же ничего не говорили: приехали, забрали — и до свидания, всё.

00:39:46

А какими-то воспоминаниями братья делились об отце?

Они ничего тоже не знали.

00:39:53

Например, брат Юзик, который на 10 лет вас старше, у него остались какие-то воспоминания об отце?

Ну, он мне рассказывал, говорит: «Мам, [то есть] Валь, такой батька был добрый, ласковый, никогда не бил. Мамка еще ремнем наставляет, когда что-нибудь набедокурю, а отец никогда не бил, добрый, ласковый был». Но меня маленькую жалели. У нас дом, а за домом — раньше как, во время войны там всё, пили чай-то? Малину, смородину ломали и заваривали, пили. И вот зимой, помню, у нас висела пута, ну, чем, как объяснить? Пута, ну чем стреноживают лошадь, спутывают ноги ей. Ну вот эта пута так висела в коридоре у нас. И, бывало, мать скажет: «Так, Володя, Юзя, идите за хлев, наломайте малины, зараз чай заварю». — «А чому Валька?» — «Валька дивчина, ей не надо по снегу лазить». Они начинают оговариваться, она их этим путем стеганет, и они пошли безоговорочно. Это вот тоже я помню. Вот они мне, это мне братья рассказывали: «Нам за тебя знаешь сколько попадало? Мать тебя любила, нас ненавидела». Я говорю: «Ничего, что ненавидела, просто вы хлопцы». Ну, чего? Разве я не права? А так никто ничего не знал, дочка.

00:41:23

То есть что-то еще про отца, какие-то особенности его характера.

Никто не знает ничего, никакого характера никто не знал. Никто ничего не рассказывал. Ну, а про мать, а мать, она же не говорила ничего.

00:41:40

Вот вы были в детском доме, были дети самые разные, как вы говорите. У кого-то отец погиб на фронте, родители у кого-то были партизанами. А как относились дети, ну уже потом подростки, к советской власти? Как-то могли ли обсуждать вообще?

Нет. Советская власть у нас, дочка, я не знаю, как где, у нас в Белоруссии советскую власть обожали и любили. И когда умер Сталин в 1953 году, у нас 5 марта рвали дерозу. Как по-русски объяснить, назвать эту дерозу? Лоза, что ли? Ну не знаю. И плели венки. И мы все со школы ходили в лес, а март уже, у нас в Белоруссии уже поляны были, и эта дероза, ну как она? Ну я не знаю, как правильно выразиться. И мы плели венок и плакали все, когда Сталин умер. Все рыдали навзрыд, что Сталина не стало: как будем жить? А в 1947-м уже карточки отменили, у нас в Белоруссии на всякий случай. И все относились очень хорошо, любезно.

00:42:58

То есть дети в детском доме, ну то есть вы такое не обсуждали?

Нет, не обсуждали и даже не касались этого вопроса.

00:43:11

А помните ли вы учителей и воспитателей в детском доме? Чему учили учителя и воспитатели? Какие-то воспоминания об этом у вас остались?

Ну единственное, что вот я любила... Бутанец у нас был по геометрии.

00:43:29

Валентина Ивановна, скажите еще раз: «У нас в детском доме был такой преподаватель...»

У нас в детском доме был преподаватель Бутанец Иван Иванович. Он преподавал у нас геометрию, и мы все любили его предмет, потому что он никогда ни на кого не кричал. Если я плохо знаю, он, наоборот, подсказал и скажет: «Я тебе сегодня тройку поставлю, двойку ставить не буду». И все дети любили этого Бутанца. А по истории была Фения Федоровна, тоже хорошая преподавательница. И воспитательницы были. Нас всех детдомовцев жалели, потому что мы сироты. Это раньше люди старшего поколения с любовью относились к детям сиротам. Не то что сейчас — стараются угнетать, всё, пятое-десятое. А у нас тогда, вот я — Хмельницкая Фения Федоровна, Петрашка Мария Ефимовна и Бутанец — троих воспитателей я помню до сих пор, настолько они были добрые. И, бывало, по головке погладят, скажут: «Не ругайтесь вы. Это же забытые богом люди. Это дети, их беречь надо». Вот всегда с лаской к нам относились. Я плохого ничего не могу сказать. А были такие сорванцы, наоборот, старшие ребята — отнимали у младших и конфетку, если там давали на праздники, и хлеб под подушку прятали, не хватало поесть. Ну еда было туговато, что там говорить. А вот старшие, которые уже годами постарше, они, наоборот, маленьких ущемляли.

00:45:12

А сколько лет вы провели в детском доме?

Пока паспорт не получила, до 16 лет. Вот в 1954 году меня выпустили. Мы в июне выпустились или в мае, а в августе 1954-го я уже приехала в Ивантеевку. Брат меня уже привез сюда.

00:45:31

А можно еще повторим: «Я выпустилась из детского дома в 1954 году»?

Да, я выпустилась из детского дома в 1954 году, когда получила паспорт. И в августе месяце брат меня привез уже в Москву.

00:45:46

То есть пока вы были в Белоруссии, потом, когда вы приехали в Москву, вы слышали что-то о репрессиях, о похожей истории, которая случилась с вашим отцом? Вы где-то еще о подобных слышали?

Нет, нигде ничего не слышала. Единственное, когда уже я работала в КДС, Кремлевский дворец съездов, я работала в Славянском базаре, а с Славянского базара нас посылали в Кремлевский дворец съездов, обслуживать всю верхушку нашу, всё начальство. Там были банкеты. И Борис, Прахиловский Борис Егорович, меня всё время звал, потому что я ответственный человек. Я на базарах торговала, вот предновогодние, и он мне говорит: «Так, Валь, ты пойдешь, допустим, в Кремлевский дворец съездов, там сегодня будет вся верхушка, ты за главную будешь». И нас, допустим, посылали четыре человека, я образно говорю. И я всегда была за старшую. Приходим туда, их берут, а меня отправляют обратно: «Ты не нужна, Трофимова нам не нужна». Понимаешь, вот это тоже мне запомнилось хорошо. «Трофимова нам не нужна». Я прихожу, я говорю: «Борис Иосифович, меня пять отправили». Он говорит: «Почему?» Я говорю: «Откуда я знаю почему?» Вот всех оставляют, допустим, пять человек прислали, четыре оставляют — Трофимова не нужна, Трофимова обратно. И так было, а потом уже какой-то съезд, что ли, был, или что, я уже не помню. И опять он меня, Прахиловский посылает меня, чтобы я за порядком там смотрела, была, следила за всем, ну и работала, конечно. Там фуршеты в основном были. Послали нас пять человек, четверых оставили, меня отправляют. Я прихожу, иду прямо в кабинет Бориса Прахиловского. Захожу, я говорю: «Борис Иосифович, меня пять отправили». Он говорит: «Ну что ж такое?» Я говорю: «Борис Иосифович, ну чем я провинилась? Может, вы что-нибудь, какую-то на меня анкету плохую подали?» Он говорит: «Да я, наоборот, тебя всегда хвалю! Не знаю, почему тебя отправляют. Так, не раздевайся, пошли». И он пошел со мной в КДС. Там же рядом, 25 Октября — и рядом КДС. Это Славянский базар был на Никольской, теперь улица это Никольская, раньше была 25

Октября. Приходим, он говорит: «Так, ты посиди здесь, я пойду». И он пошел там по своим этим самым, ОБХСС, ну где начальство всё. Это был, по-моему, опять, наверное, 1970-й или 1975-й. Я уже не помню возраст, потому что я это не брала во внимание. Он приходит, мне говорит: «Так, раздевайся, иди работай. Но что я тебе сейчас скажу — сюда вошло, сюда вышло. Забудь и нигде не вспоминай». Я говорю: «Борис Иосифович, это что ж такое? Что я натворила?» — «Так, знаешь, что я тебе скажу по секрету? А ты знаешь, что ты дочь врага народа?» Вот он мне сказал. Я не помню, в каком это было году, но я после этого 10 с лишним лет проработала в КДС. Вот он мне сказал: «Но я сказал, дети за отцов не отвечают. Хорошая работница, вы ее возьмите». И вот я проработала там столько лет. Вот единственное, ну так это уже было, милая моя, я не помню, какой год. Но я проработала там больше 10 лет, почти 14.

00:49:40

То есть это первый раз, когда вы узнали, что ваш отец...

Враг народа. Вот первый раз я узнала, но это от Прахиловского, нашего директора. Но я это выключила из головы, как он мне сказал: «Ты услышала — и забыла». Вот я услышала и забыла. И действительно я выключила всё это из мозгов своих. И потом, пока уже не была в 1994-м, когда уже получила вот документы, что действительно отец мой враг народа.

00:50:09

Немножко вернемся назад. Братья, или соседи, или, может быть, какие-то родственники рассказывали ли вам, как матери жилось после ареста отца? Как вообще семья ваша, мать и дети?..

Все игнорировали. Матери жилось очень плохо. В колхозе ее гнали на самые тяжелые работы. Понимаешь? И выходного ей не давали. Она работала как проклятая, как загнанная лошадь. Везде ее на всякие трудности, везде посылали Проську. Везде Проська, везде ее гоняли, везде ее игнорировали. Вот она поэтому, наверное, и сломалась раньше времени. Если бы ее так не угнетали, она бы еще пожила, но ее вот это всё угнетало, потому что все ее пальцем тыкали: «Твоего забрали, твоего забрали». Кто ты есть, где ты есть? Ой, так тяжело всё это вспоминать. Так что вот так вот, моя хорошая. Ну, по-моему, я уже всё рассказала, даже где-то повторилась еще.

00:51:14

Ничего страшного. Мы идем дальше. Но сама мать, по словам, например, братьев, ничего про это не говорила?

Абсолютно ничего. А там нельзя было говорить. Тогда вообще ничего нельзя было говорить: ее тут же бы забрали. Она ничего не говорила. Молчала, и все. Гнали ее, допустим, вот сегодня она ходила навоз раскидывала, завтра ее коров доить послали, послезавтра еще убирать что-нибудь. Она везде ходила, куда ее ни посылали на черные работы, везде она ходила, ей отказаться нельзя было. Она была в черном списке. Понимаешь? Поэтому она и ушла из жизни так рано. Ее загнали, она была как загнанная лошадь. Ее во все дырки пихали, на самые трудные работы.

00:52:03

Сколько матери было лет, когда она умерла?

Ей полтинника еще не было. Где-то маме, наверное, было 48 или 49 лет плюс-минус. Вот так вот. Я же не знала, с какого она года, никто же не говорил ничего. Это я уже всё узнала, когда дело отца почитала, что она с 1900 года.

00:52:29

А не было ли конфискации имущества, вы не знаете?

А у нас нечего было конфисковать. У нас дом стоял, вот как сейчас помню, в доме, значит, в углу стоял, были иконы, образа. Образа и такая вот кадка, и стоял фикус. Это в каждом доме у нас в Белоруссии, фикус вот в этой кадке. Вот такая вот кадка — и фикус от земли до потолка. Вот такое шикарное дерево, такой зеленый фикус. Ну, наверное, представляешь, что такое фикус. Вот в углу стоял этот фикус. И рядом окна и у нас скамейка, по-белорусски эдак называется. Вот попробуй разгадай их, что это такое. Значит, скамейка справа, скамейка слева, фикус посередине, и тут дальше стоял обеденный стол. И у нас в доме, одна большая комната, стояли никелированные три кровати. И полати и русская печь. И полати. Спали на печке и на полатах. И еще кровать. Вот всё, что... И русская печка. А впереди уже прихожая, там стояли вешалки такие, ну, как сейчас делают, вот типа столики, всё это. Там, значит,

посуда: чашки, миски, ложки, вилки. Вот это было всё. Вот всё, что было в доме, что было конфисковать. Ничего.

00:54:08

Еще раз повторим про отношения с соседями. Изменились ли отношения с соседями у матери после ареста отца?

Я ж тебе говорю, что все волком смотрели на мать. Все стороной обходили. Все стороной обходили. Она была как чужак. Хотя никто не знал, за что батьку забрали, и куда его забрали, и где он сидит. Вот и всё.

00:54:34

А были ли в деревне еще люди, которых так же забрали?

В деревне нашей нет. Только отца.

00:54:52

Вот такой еще вопрос, важно уточнить. Наверное, вы бы об этом сказали. Были ли вы в детприемнике до детского дома? Не отправляли ли вас в такое промежуточное?

Нет, нет. Никуда меня не отправляли. Я была в доме с братьями. Во-первых, братья у меня были очень хорошие. Юзик сразу пошел в ремесленное училище, это, наверное, 1945 год. Закончил его в Минске. Его взяли, потому что... Я не знаю почему. А Володя играл на гармошке. И он свой возраст не выглядывал, он был выглядел гораздо старше. И в деревне все его любили. А в деревне, сами знаете, гармонист — это первый человек на деревне. И Вовка у нас играл, и все собирались. У нас дом большой, все приходили. Почему меня никуда не отправляли? Володя в основном... Юзик учился в Минске в ремесленном училище, а мы с Володей были вдвоем. Володя, бывало, скажет, допустим: «Анюта, ты сегодня придешь есть изваришь, а ты, допустим, Томка, придешь, хату помоешь. А вечером, — говорит, — буду я для вас играть». И вот они все приходили и наводили в доме порядок. Это Вовка, брат, всё делал, царство ему небесное. Меня оберегали. Я была как, ну как сказать, добрая ко всем. И брату, ему не сказали, что он... Он рослый такой, на фотографии ты видела, какой он. Ему не скажешь, что он молодой. И он всё вот. А меня, я ничего не делала. Еще плюс ко всему, я уклонилась, не вспоминала, вот я в санатории была. У меня нога. Меня с детского дома взяли, как будто до детского дома еще. У меня была нога, я пальчиками еле до земли доставала. У меня был туберкулез кости, как сказали. И забрали, это еще при маме, мама меня отправила. Откуда она взяла деньги и как, чего? Это я упустила. Санаторий, Осиповичи, я была в детстве. И был, вот где я в косыночке, это в санатории. Деттубсанаторий, Детский туберкулезный санаторий. Мне признали, как туберкулез кости у меня. И нога коро[че]. И я уже потом в детдоме была, и нога у меня вот такая. Ну, потом всё это прошло, я не знаю, что это было, как это было. Но во всяком случае я была, наверное, месяцев... Во втором или в третьем, первом классе я лежала, мне делали кровать, и я лежала полгода на спине и писала вот так вот на этой. Ну, в общем, это я уже упустила, потому что разве всё упомянешь?

00:57:49

То есть это было еще до детского дома? Вы заболели?

Да-да-да, да-да.

00:57:53

Давайте это скажем. То есть «до детского дома я заболела туберкулезом кости».

Ну, это не был туберкулез кости. Это просто врачи поставили такой диагноз.

01:08:03

Так и скажем: «врачи поставили такой диагноз».

Врачи поставили диагноз. Но я говорю еще раз, дочка, врачи поставили диагноз туберкулез кости, ноги. Нога у меня коротела. Я на вытяжке лежала, я говорю, то ли в первом, то ли во втором классе я лежала вот так и нога была у меня подвешена на кирпич, вот так на вытяжке я лежала. И положили, и на утро в санатории подходит ко мне... Меня всю жизнь окружают добрые люди. Подходит ко мне нянечка и говорит: «Дочка, ломай гипс, пока он у тебя не застыл. Иначе они тебя изуродуют». Я говорю: «Бабуля, как ломать гипс?» Она говорит: «Я старый человек, я прожила жизнь. Если б был у тебя туберкулез кости, у тебя были бы раны. А у тебя ровненькие ножки. Только коротеет она у тебя, ножка. Ломай гипс, чтобы тебе... А

скажи, чтобы они тебя положили в кровать и перебинтовали вот так вот бинтом ногу, если они хотят это». А я говорю: «Бабушка, как ломать гипс?» Она говорит: «Шевелись попкой». На мне гипс положили — вот так вот нога, и вот здесь до груди, вот так вот я лежала. Она говорит: «Шевелись, пока он не застыл, гипс этот». И я шевелилась, наутро врач приходит, а он у меня весь вот так вот, гармошкой. Она: «Ой-ой-ой, что?» Я говорю: «Я не дам гипс ложить». Я со слов, люди меня научили. А мне было, наверное, уже... Ну, первый класс, семь, наверное, вот перед детдомом. Она и говорит: «Кто тебя научил?» Я говорю: «Никто не учил. Я сама, потому что там всё чешется, я не могу. Ну, закрыли меня всю, всё чешется». Вот я сломала и гипс не дала ложить. Меня положили в кровать, вот так перебинтовали, гипсовая кровать, вот так к ступне, тут гипс, а тут вот это так вот, типа шнуровкой. И вот так я полгода лежала. Но потом всё прошло.

01:00:05

То есть перед детским домом вы были в обычной школе два класса?

Да, да, да, да, да, да.

01:00:10

Скажите: «Перед детским домом я была...»

Перед детским домом я училась в обычной школе со всеми детьми деревни. А потом уже, когда вот попала в детский дом, тогда там уже совсем по-другому всё было. Мы всё-таки были послевоенные дети, там было совсем другое поколение, и по-другому к людям относились. Во-первых, никто не знал, что дети врагов народа. Никто не знал, что мы враги народа. Это ж не афишировалось нигде. И у нас такого не было. Единственное, я вот, по-моему, говорила уже, что старшие могли обижать маленьких, украсть у них конфетку, хлебушек под подушку спрятать. Вот такое было. А такого у нас не было, чтоб уголовники были, нет. У нас был хороший детский дом. Воспоминания только хорошие.

01:01:01

А можете еще немного о бытовых условиях в детском доме рассказать? Как спали, чем кормили, одежда какая была?

Форма была единая.

01:01:11

«У нас в детском доме...»

У нас в детском доме форма была единая. Вот я даже сфотографирована там, воротничок беленький. Вот допустим, в школу мы ходили, у нас была нарядная форма: белый фартучек и воротничок беленький. Это на праздники, на 7 Ноября, допустим, на День Победы. Это так. А так было всё обычное. Вот темное платье коричневого, и рукавички с манжетиками, и черный фартучек. Форма единая у всех была. Мы, как говорили, «инкубаторцы детдомовские пошли».

01:01:51

То есть в этой форме каждый день вы должны были?..

Да.

01:01:53

Кто ее стирал, гладил?

Всё забирали. Нам просто приносили. И постель. Всё было. У нас, допустим, воспитательница пришла, десять дней прошло, поменяла постель, забрала одежду нашу. Постирали, погладили и нам чистенькое принесли, повесили. Нет-нет-нет. Уход был прекрасный. Я ничего не могу сказать плохого.

01:02:15

А еда какая была?

А еда нормальная, обыкновенная. На завтрак, допустим, каша — это всегда. Или манная, или пшенная. Чай, кофе, булочки всегда. Блинчики пекли всегда. Нет, повара... Кормили нормально. Мжет быть, только потому, что такого мы не видели в деревне, пока я жила, поэтому нам всё казалось вкусным, всё очень хорошо.

01:02:43

Несмотря на то, что послевоенное время.

Да. Лесов много. Постарше мы когда уже стали, у нас очень много лесов, нас, допустим, сегодня мы отучились в школе. Я образно скажу. Допустим, в час дня приходит воспитательница и говорит: «Третья группа, 10 человек. Так, пошли в лес. Будем собирать сегодня чернику». И вот третья группа, мы, допустим, образно, повторяю опять, [говорю] человек 12, мы идем в лес за черникой. Мы сами приходим все в [ней], черные, и приносим там вот чернику. Там варили тогда и кисель, и компоты. Завтра мы идем, допустим, на землянику. А осенью нас посылали, так же мы ходили в лес с воспитательницей, не одни, и она четко за нами следила. Вот, допустим, третья группа. там 10–12 человек. Мы ходили. И грибы собирали, очень много грибов. Вот рыжики я только помню из детского дома, мы их собирали, солили там воспитатели. Мы ели. А я их больше так и не видела.

01:03:53

Валентина Ивановна, у вас же были родственники, мамыны сестры, но вас никто к себе не забрал. Вас отправили всё-таки в детский дом. Почему так?

Меня отправили в детский дом. Почему? Потому что у каждой были много своих детей, по четыре-пять детей. А в послевоенное время было трудно в деревне. И платили налоги, недоимки всякие, и каждый [думал], как бы прокормить свою семью, а в детском доме всё-таки там был присмотр. Поэтому и спокойно отдавали. Тем более меня отдали в такое время хорошее, что меня утром отвозили, а в субботу вечером забирал Антон на велосипеде, и я в субботу-воскресенье была у тетки. И там приезжали другие сестры, в деревне там еще Авдотья была, мамина сестра. Там они рядышком все. И я у них не брошенная была. Я не скажу, что я была брошенная, что вот только детдом — и всё. Нет, меня братья все любили, все меня любили. Я любимая была. Хотя всё время до сих пор мне говорят: «Ты на высылках живешь». Какие высылки, когда я корни здесь бросила. У меня сын, внучка, правнуки — вон какие красавцы! Какие высылки?

01:05:14

А вот еще немного о детском доме. У вас там были предметы, школа, вы занимались как в обычной школе.

Как в обычной школе, да. Школа своя была в детдоме, мы никуда не ходили. Это было на территории детского дома.

01:05:29

Какие-то любимые предметы? Нравилось ли вам учиться? Учителя любимые?

Учителя любимые, хорошие. Да все учителя были. Да вообще о детском доме воспоминания хорошие. Вот я и говорю, Хмельницкая Фения Федоровна. Она жила около нашей деревни в Слободе. Я уже где-то в 1980-е годы, она 101 год прожила, я приезжаю, а мне Ядя, вот этот Нестерович, говорит: «Валя, Фения Федоровна говорит: “Валька приехала?” — “Приехала”. — “Приходите до мене в гости”». Я иду с Ядей. Ядей там, наверное, штуки четыре было, Ядей. Там полейков много, а это у них распространенное имя. Ядя — это у них прямо в каждой семье, Ядвига. И мы ходили к Хмельницкой Фение Федоровне в гости. И всё вспоминала.

01:06:19

Что она преподавала?

Она историю преподавала. Очень хорошая учительница была, царство ей небесное. Так что я уже была взрослая, приезжала и ходила еще.

01:06:34

Валентина Ивановна, а вот на уроках истории как вам рассказывали про страну, в которой вы жили на тот момент? То есть что-то говорили?.. Что говорили про Сталина, например?

Только любимый человек был. Все хвалили Сталина, и никто против Сталина слова не мог сказать, потому что жили вроде нормально. Я говорю, когда он умер, Сталин, мы в школе все плакали, все рыдали. Вот и всё. Что еще можно сказать?

01:07:07

Про репрессии, про врагов народа?

Это разговора даже не было. Про репрессии никакого разговора не было, потому что их тогда и не существовало. Только сейчас стали признавать эти репрессии, а так и не было ничего. Никого не убивали, никого не сажали. Вот, пожалуйста, через столько лет я узнала, что вот, пожалуйста, какой враг. И вот читаю в заключении, что реабилитированы.

01:07:39

После смерти мамы остался дом, правильно понимаю, о котором вы рассказывали? А что случилось с домом?

Так я же рассказывала.

01:07:47

Что случилось с домом? Кто его себе забрал из братьев?

Когда меня с детского дома выселяли, уже в смысле паспорт я получала, а я же младшая, без меня дом продать не могут. Дом у нас хороший был. И Юзик с Москвы, он приехал, продал дом, пока я, уже мне 16 лет, я паспорт получила, и я должна была жить в этом доме, но поскольку Юзик меня забирал в Москву, он продал дом, взял все деньги и меня увез в Москву. Так что дом продал Юзик. И потом меня и одел, и обул.

01:08:32

Получили паспорт, приехали в Москву, устроились работать.

Сначала я не устроилась. Сначала я была нянкой у брата, нянчила его детей, а потом уже в 17 лет на фабрику Рудой меня Ольга устроила. Пошла и работала крутильщицей.

01:08:47

А сколько лет вы работали на фабрике ткацкой?

Мало, месяцев, наверное, семь или восемь. А потом, когда в 1957 году, когда фестиваль начинался студентов и молодежи в Москве, когда меня не прописывал Юзик себе... А мне-то уже 18, уже взрослая девица. И на танцы ездили с Ивантеевки в Мытищи девчонки. И поехали в парк на танцы, и вот там я встретила Трофимова своего на танцах. А я еще была между небом и землей, прописка у меня временная была, у Чевардаевых я жила, а работала на фабрике. И когда мне, значит... Трофимов красивый парень, всё. И говорит... Я прихожу к Полине Михайловне и говорю: «Полина Михайловна» — Галиной матери, которая меня сразу забрала, а мы дружили же с ней. Я говорю: «Полина Михайловна, Володя зовет меня, Троица, поехать в Михнево к его родителям в деревню на престольный праздник». А что мне? 17, 18-й год, уже где-то 17 с половиной. Она мне и говорит, такая мудрая женщина была, она говорит: «Валя, езжай, только береги себя, не давай. Так, повеселись, посмейся там, погуляй, но не давай. Съезди, а что ты будешь? Ты хоть на мир другой посмотришь». Ну и поехали с Трофимовым. Встретились в Мытищах. Там мост железнодорожный. Я с Ивантеевки приехала, и нужно было на вторую платформу. Я иду на мосту, смотрю — стоит мой Трофимов, голубой костюм, пиджак, сиреневая тенниска, воротничок, такой красавец! А я в парусиновых тапочках, раньше топнешь так, мелом намажешь и топнешь — и вокруг тебя мел этот от тапочек. Вот такие были у меня одежды. И сели в вагон, и он так ногу поставил, ну вот где окошко, а я нечаянно своими парусиновыми этими тапочками по ноге ему прошлась, и мел остался на туфле. Он берет носовой платок... Я думаю: боже мой, Валя, и куда ж ты едешь со своими парусиновыми тапочками? А он носовым платком мел стирает со своих туфель. Одет был с иголочки, но он работал, он и на пять лет старше меня, мне восемнадцатый шел, а ему уже 23. Всё, думаю, ну куда там. Едем дорогой, он мне и говорит: «Так, Валя, мы сейчас приедем, у меня там четыре брата и четыре снохи. Но Райка там такая крутая татарка, она сейчас обязательно к тебе прицепится: сколько мы дружим, сколько ты, что». Я говорю: «Да сколько надо, столько и скажу». А я его только два вечера [назад] встретила, и вот мне Полина Михайловна сказала: «Езжай, хоть... Что ты тут сидишь?» Я говорю: «Да я хоть с полгода скажу». Он говорит: «Ну ладно». Побыли. А приехали, а у меня были волосы — вот такая толстая коса ниже пояса, я заплела в эту косу голубую ленту, а здесь вот гвоздем накрутили, мода была, гвоздем закрутила это всё. И русая коса, голубоглазая такая. А платья не было, мне Галка дала свое одет, платье красивое. Посмотрела на себя, Полина Михайловна говорит: «Валя, ну и хороша ж ты!» Ну значит, там посидели. А подходим, а у них дом в Шугарове, это по Павелецкой дороге. Подходим к дому, первый дом от леса, Ксюшенька. Выходим, там гармошка заливается. А мне только гармошка, всё, я уже поплыла. Гармошка расплывается, и сидят четыре Трофимовских, и гармошка заливается, и мы с Володей идем. И я подхожу сразу, а тут мать сидит, поздоровались, и гармошка. А я частушки — сразу сходу пошла частушки под гармошку. Они на меня вот так [смотрят]: «Ой, во! Володя, во!» Ну всё, потом погуляли, посидели, надо спать ложиться. Мария Федоровна, царство небесное, свекруха моя, подходит и говорит:

«Володюшка, Володюшка, я вас с Валюшкой, — это она так разговаривала, — Володюшка, я с Валюшкой вас положу вот в той дальней терраске». Ну, спать вместе. А я подхожу, говорю громко так, чтобы все слышали, я говорю: «Мария Федоровна, нас с Володюшкой класть не надо, мы с ним никто и ничто, мы с ним не спим, мы просто друзья. Так что я с Володюшкой с вашим спать не буду. Я буду или с кем-нибудь с женщинами спать, или одна». Она: «Всё, Валюшка, всё, Валюшка». Она вот так разговаривала: «Валюшка, ты сидишь с Раюшкой, — ну надо же всех было положить, — а Володюшка с Колюшкой». И утром встали, едем обратно, Трофимов мне и говорит: «Валя, ты всей моей родне так понравилась, выходи за меня». Вот как я осталась в Москве, к чему я это говорю. У меня же временная прописка, тут уже выселяли из Москвы, всё. А он мне говорит: «Ты всей моей родне понравилась, они говорят: “Женись, если она за тебя замуж пойдет, женись”». Вот мы едем в электричке, он мне говорит: «Выходи за меня замуж, ты всем очень понравилась, и мне в том числе. А я живу в общежитии, а если я женюсь, — в Мытищах он жил, — а если я женюсь, то мне комнату дадут». Ой! Как он сказал, что ему комнату дадут, мне даже всё, мне пофигу всё, я говорю: «Я согласна». А раньше ж никаких не было проблем. Мы наутро встали, он приехал ко мне, позвонил, приехал, ну или написал, я уже не помню, и мы в Мытищах пошли в ЗАГС. А раньше никто не нужен, пришли вдвоем, паспорта отдали — и нас расписали. И он меня привел в комнату, восемь мужиков строителей, он каменщик. Захожу в комнату, комната так, как моя комната. Ой! И посередине печка, и восемь лбов таких. Но я спокойна, думаю: о, я теперь москвичка, я замужем, меня уже никто не выгонит отсюда. Понимаешь? Вот так я осталась в Москве с Трофимовым. Но ребята были классные, они сразу нам угол простынями отгородили, и мы жили там. И правда, через полгода, он на стройке работал, он говорит: «Я выберу тот город Подмосковья, где будет всё под руками. И там я получу квартиру». Ему давали и в Химках, ему давали и в Зеленограде, он — нет. А когда вот в Красногорске, вот в этом доме, он и говорит: «Вот в Красногорске я возьму: там и школа рядом, детская поликлиника рядом, взрослая поликлиника рядом, всё под руками». И вот так я осталась в Москве, так я вышла за Трофимова замуж, и 20 лет я с ним прожила. Вот так я осталась в Москве замужем. Вот, никакая... Какая там любовь? Откуда она была? Главное, что я в Москве осталась, что меня никуда не выселят, вот.

01:16:52

Валентина Ивановна, вы впервые узнали, что вы дочь врага народа, когда работали в Кремлевском дворце съездов, правильно?

Я первый раз узнала, когда в Кремлевском дворце съездов, но это он мне сказал, и я забыла. Я всё это вычеркнула с памяти, сказал, как он мне сказал: «Ты забудь, что у тебя отец враг народа». И я действительно забыла — и не помнила про это, про что... А конкретно я всё узнала в 1994 году.

01:17:19

То есть это первое препятствие, с которым вы столкнулись в жизни?

Да, но это благодаря директору, который мне помог, и я стала работать в Кремлевском дворце съездов.

01:17:30

Когда-нибудь еще в жизни вам приходилось сталкиваться с каким-то препятствием из-за того, что ваш отец враг народа?

Нет, больше мне ни с кем не пришлось препятствовать, я нормально работала. Вот я говорю, в Кремлевском дворце, я всегда была за Косыгиным, вот когда 7 Ноября, День Победы, на Мавзолее стоят вся верхушка, и мы там. И вот знаешь, доченька, мы стоим на корточках, как это легко сказать, это тогда, стоим на корточках. Я, например, стояла всегда за Косыгиным, мой был Косыгин. А за каждым членом правительства стоял человек, и были маленькие термосики, в одной руке был термосик с водкой, в другой руке был термосик с коньяком. Вот за этими. Это я рассказываю, это вот стопроцентная правда, я не вру. И мы за ними. И если вот он стоит на трибуне на Мавзолее, там же народу на Красной площади сколько, а мы на корточках, нас не видно. Тем более они видны до пояса, а мы-то внизу стоим за ними. И вот только он взгляд повернул, если он повернул взгляд налево, значит, ему нужна водка, если он повернул голову направо, значит, ему нужен коньяк. И я стою с этими двумя бутылочками, холодно. И на майские, и на День Победы, и на ноябрьские, на 7 Ноября, а мы всё время там были с ними. И как только он голову чуть-чуть повернул, не вот сильно, чуть-чуть повернул, сразу ему — раз, в стаканчик. И он как будто водичку выпивает. Им хорошо, милая мо[я], в холодочке согревает. Это мы, это я каждый год так на 7 [Ноября] и на День Победы, на майские праздники, это мы всю верхушку обслуживали. Но это как постоять надо было, милая моя, на корточках за ними! Они же выступают час там целый, и вот стоишь, а другой раз прям возьмешь, уже сил нет, как на корточках, чуть руками обопрешься и думаешь: хоть бы не пропустить. Но всегда... Но нас

кормили, и нам зарплата... Вот у меня сейчас профсоюзный билет — хочешь, покажу тебе — до сих пор сохранился. Мы получали по 300, по 400 рублей советских денег. И вот я платила профсоюзные — три двадцать. Мне еще говорят: «Не может такого быть!» Я говорю: «Я профсоюзная, сохранила специально профсоюзный билет». Три двадцать платила, два восемьдесят, четыре рубля — это от зарплаты. Во! Я и была обеспечена, если бы не съело вот это государство, не отняло, я была бы во какая обеспеченная.

01:20:08

Валентина Ивановна, а как вы попали в Кремлевский дворец съездов на работу?

А я ж тебе рассказывала.

01:20:13

«Я попала в Кремлевский...»

Я попала в Кремлевский дворец съездов, работала в Славянском базаре, а со Славянского базара, поскольку он находился на [улице] 25 Октября, это рядом, первый ресторанчик, и нас посылали там на обслуживание всего этого нашего аппарата. И выбирали лучших, и направили меня в том числе, вот я так и попала.

01:20:40

Вы работали официанткой?

Официанткой, да.

01:20:43

«Я работала...»

Я работала официанткой на фуршетах, на Кремлевских приемах, на всех вот этих значимых мероприятиях, я всегда там. Даже мы другой раз не успевали уехать домой, потому что вечером мероприятие заканчивалось поздно, и Кремль нам снимал в гостинице «Москва» номера, и мы ночевали в номерах в гостинице. Потому что в 7 часов утра, полседьмого, мы должны были быть уже в КДС, в Георгиевском зале, и уже полностью в форме. Выстраивались на линейку, и приходит Мухина, как сейчас помню, с треста, и мы в линейку выстроились, и она смотрит: не дай бог у тебя воротничок помятый или затяжка на капроне — тогда же не было еще колготок, был капрон, — или затяжка на капроне. Всё, тебя тут же отстраняли, прогрессивки лишали. Такая была строгость! И туфельки, ну это была форма, нам давали форму, мы не в своей ходили, мы ходили как инкубаторы, всё в одинаковых. И вот туфельки на таком каблучке. И попробуй, милая моя, где-то там сверни. Там такая строгость была! Вот почему и осанка, и дикция, и всё это у меня, я всё получила вот с Кремлевского дворца съездов.

01:22:00

То есть вас взяли туда на работу, и получается, что то, что вы дочь врага народа, не стало препятствием?

Не стало, потому что, я же тебе говорила, директор сам пошел и объяснился, сказал, что она, во-первых, не дочь врага народа, дети за родителей не отвечают, была такая поговорка.

01:22:18

Но это уже в процессе работы, а в самом начале, когда вас туда приняли, этого...

Нет, это в самом начале было, когда он меня принял. Меня ж отсылали обратно, директор посылает, а меня отправляют, директор посылает, а меня отправляют. Тогда он говорит: «Я пойду сам, уточню, почему тебя не берут». Вот он сказал мне: «Я сказал, а ты забудь». Вот он сказал, а я напрочь забыла.

01:22:41

И после разговора с директором всё у вас было нормально?

Всё нормально, я работала.

01:22:47

«После разговора с директором...»

После разговора с директором, как он сходил, объяснился, и я там проработала. Проработала, считайте, до 1986-го, по-моему, года. А в 1988-м, значит, я уже пришла в «Россию», потому что там чего-то какая-то пертурбация была. В 1988-м, в 50 лет, я пришла в «Россию». Опять-таки то, что я работала в Кремле, меня взяли в «Россию».

01:23:16

А с какими первыми лицами советского государства?.. Кого вы видели из политиков?

Политиков кого я видела? Я политиков видела всех. И Громыко, и Суслова, и Ельцина, и Косыгина. Это мой любимый. Меня прикрепили к нему, я за ним так и стояла. Хвостиком ходила и обслуживала. А обслуживать, когда фуршет обслуживают, знаешь, Ксюшенька, милая, знаешь как? Вот у тебя на руке пять пальцев. Вот ты ходишь... А фуршет вы знаете, что такое. Это стоя когда банкет, и стоя люди кушают. И там маленькие закусочки, канапе, там всё мизерное такое. И я иду, и у меня вот на одной руке четыре бутылки — попробуй пронеси, в четыре пальца, вот, вот, вот, четыре пальца в одной руке, четыре бутылочки — и во второй четыре бутылочки. И вот я иду вот так, показываю им. Кто мне что скажет, тому я и то наливаю. И горлышко обвязано салфеточкой. Это знаешь какая строгость была? Это знаешь какая школа была? Такой сейчас нет, вон показывают, они в балахонах, бляха, ходят по ресторану. А тогда ж какая была? А скатерти накрыты, всё. Такой школы сейчас нет и не будет, как было раньше. И услуги такой нет.

01:24:49

Так, заканчиваем, заканчиваем.

Ну слава богу.

01:24:54

Так, нам нужно еще про смерть Сталина проговорить. Вы сказали, что в школе...

Да. Плакали все. Венки...

01:25:07

Та, сейчас, секундочку. А у вас лично какое-то было отношение к Сталину, к советской власти? К тому, что происходит в стране, в таком возрасте, когда вы в детском доме еще были?

Нам в детском доме до этого не доходило. Какая там нам разница, кто там у руля и кто там что делает? Нам бы накормили, напоили, спать уложили. В детском доме — что там нам надо? Мы о чем думали-то, дочка? Мы не вспоминали про это ни про что. Какое там чего? Главное, накормили, в школу пошла посидела, отучилась и домой пришла. Какие там может быть что... Ну детство это и есть детство. Это даже и говорить не хочется.

01:25:54

А еще до того, как вас отправили в детский дом, был День Победы. У вас остался в памяти День Победы? Как-то вы помните это событие? Какие-то отдельные эпизоды войны вы помните, военного времени, а сам День Победы?

Сам День Победы я, Валентина Ивановна, не помню. Я помню только, когда нас освободили. Когда танки шли, нагруженные солдатами, по деревне, наша деревня, у нас 200 домов, и вот идут танки загруженные, в августе месяце. Вот это нас освободили. Вот [в] память[и] у меня это очень хорошо осталось, а дальше День Победы у меня как-то не осталось в памяти. А вот когда нас освободили, это осталось. Вот они едут, солдаты, все цветы им кидают по улице. Всё. Вот это был радостный день.

01:26:50

Спрошу. Может быть, знаете, не знаете. Вот событие такое, XX съезд, когда развенчали культ личности Сталина, когда Хрущев пришел к власти. И тогда вот на самом деле стали про репрессии говорить, о сталинских репрессиях 1937-го, 1938-го годов, когда вот ваш отец был расстрелян. Об этом вы слышали что-то в своей уже взрослой, сознательной жизни?

Нет, об этом я ничего не слышала. И даже до нас не доходило. Потому что никто этого не говорил, это же было под таким большим запретом, дочка. Это сейчас говорят, тогда же под

таким запретом было! Попробуй вякни, тебя тут же загонят где Макар телят не пас. Это нельзя было вообще ничего говорить. Никаких у нас репрессий не было, ни сталинских, ни ленинских, ничего не было. Это нельзя было, это была запретная тема.

01:27:49

А вот когда вы уже во взрослом возрасте узнали, через своего начальника, что отец, оказывается, враг народа, вы на тот момент были замужем, правильно?

Да, у меня уже сын был.

01:28:02

Вы кому-то об этом рассказали?

Нет, я тут же забыла. Как он мне сказал: «Ты услышь и забудь. И никому не заикайся, иначе загонят где телят Макар не пас». Всё.

01:28:12

А братья на тот момент же были живы, вы братьям сказали?

Никому ничего не сказала. У меня внутри так это всё и осталось, как он мне сказал. Я, во-первых, не хотела работу терять, а потом не знала, что со мной будет. Может, я по следам пойду. Он мне четко сказал, директор: «Ты услышь и забудь. И никому ни слова». Всё, я так и сделала. И вот у меня с памяти полностью всё это стерлось.

01:28:37

А после этого сводила ли вас жизнь с какими-то людьми, которые тоже прошли через репрессии, их семьи, например?

Ну это когда уже я стала работать председателем Организации жертв политрепрессий, у меня поначалу было 700 человек таких вот.

01:28:55

Об этом отдельно. В каком году, как это получилось, что вы стали председателем этой организации? Когда вы в этой организации работаете?

Я председателем организации стала в 1995 году.

01:29:09

Как это получилось?

Потому что я сначала была в Совете ветеранов, там фотографии есть, всё. Я думала, будем про это расспрашивать, а вы всё даже к этому не касаетесь. Мне как-то даже это не очень-то идет.

01:29:23

Сейчас будем рассказывать.

И я в Совете ветеранов была. Там у нас была Кузнецова Мария Ефимовна. Ну и собрались все, а уже памятник наш открыли, камень вот этот. И сидим на совещании, и говорят, надо избрать нового председателя. А я только пришла в 1994 году, начало 1995-го. И тут же все. Тут Рассказов Борис Егорович, Мария Ефимовна, председатель Совета ветеранов. Говорит: «Вот к нам пришла новенькая, очень энергичная, эрудированная девушка, Валентина Ивановна. Вот мы хотим избрать ее председателем этой организации, жертв политрепрессий. Кто за?» Все подняли даже две руки. И тут же меня избрали. И вот я 27 лет веду эту организацию. И устав сделали, везде ездили. Потом Диденко Виктор Павлович, мы с ним вдвоем и тянули эту организацию.

01:30:32

А как вы туда пришли? Почему? После того, как вы узнали о том, что...

Нет, это... При чем здесь это, узнали или не узнали? Я в Совете ветеранов была. Я член Совета ветеранов, я вообще люблю общественность. Я не замыкала, чтоб сидеть дома. И когда на пенсию пошла, пошла в Совет ветеранов в 1995-м году. И тут же меня послали, говорят, открывается Организация жертв политрепрессий, нужно нового председателя. И вот они все

меня сразу избрали председателем. Вот как я попала. Прямо народ сразу меня... Ой, молодая, энергичная. Но я действительно на свой возраст тогда не тянула, мне 55 лет было, а я даже как 50 лет. И сразу меня избрали.

01:31:19

И там, вы говорите, 700 человек.

Сначала было у меня 700. В данный момент у меня осталось 200 человек. А так было 750 человек. Я вела организацию. Так что вот такие вот, моя хорошая, дела.

01:31:38

Вы узнали другие истории репрессий, других семей. Что люди говорили? Какие-то истории вам запомнились?

Всё то же самое. Только вспоминали и плакали. И старались об этом не говорить. Всё. Это пустые слова. Эти репрессии — это только одна говорильня. Сейчас только стали открыто говорить, выступать, вот сейчас немножко. И сейчас вот этот, как его... Полностью начал говорить, выступать про это. А что нам? Шесть с половиной платят. Вот мы как были изгои, так мы и остались. Вот пару слов скажу, дочка. Смотри. Мы — область. Нам платит государство 100 рублей за отца. Москва получает 3000. Единственное, что нам платит государство, шесть с половиной в год за отца я получаю. Переводят на книжку шесть с половиной в год. Это уже лет 15, наверное. Вот шесть с половиной. За что? За что моего отца расстреляли? Что я ни детства не видела, ничего. Шесть с половиной. Не индексируется ничего. Что это, шесть с половиной? А сейчас индексация вообще всё. Вот Виктор Павлович выступал, говорил, говорит: «Ну почему Москва получает...» У нас было 92 рубля, каждый месяц перечисляли нам, а сейчас 100 рублей перечисляют. А Москве 3000. Мы одно целое. И тут дележка идет. Но я об этом не хочу, нафиг это, всё равно...

01:33:14

А вот вашему сыну вы когда рассказали о том, что вашего отца?..

Ну по документам он же видит всё. Я не хотела касаться это[й] проблемы, потому что это уж очень все тонкости эти. Вот он лет восемь тому назад... А я еще ему сказала: «Сынок, этот шлейф так будет тянуться за нами всю жизнь». Вот не хотела говорить, даже не касалась этой [темы]. Потому что слишком много ты об этом всё разговариваешь. Вот лет восемь-девять тому назад сын у меня устраивался в банк на работу. И документы он сдал — и нет, и нет, и нет. Я говорю: «Ну сынок, ну ладно. Ну будешь где-нибудь пахать вот так-то». Но он закончил МИИТ, Институт транспорта. Я говорю: «Ну пойдешь куда-нибудь, там будешь». Но сейчас после 1990-х, 2000-е, это уже, знаешь, с работой херово везде стало. Ну тут по знакомству его взяли в банк. Ну и месяца три, он подал документы, отдал свое разуме, и не берут, не присылают и не присылают. Потом приходит, звонит мне и говорит: «Мам, прислали резюме, поеду я оформляться». Это в Москве. Я говорю: «Ну давай». Он говорит: «Ну ладно, что будет, потом расскажу тебе». Ну приходит, его взяли. Ну что ты думаешь? Он говорит: «Мам, я сижу, мне и говорят...» Вот рассказывают, так вот мы с тобой сидим рассказываем. Он его спрашивает и говорит: «Так, Игорь Владимирович, ну дед-то твой враг народа». Это десять, восемь лет [назад], вот я говорю, а меня трясет, твою мать! Этот шлейф будет тянуться, сколько мы жить будем. И не верю я в эту болтовню всякую. Он и говорит: «Как враг народа? Ну его же реабилитировали, мама льготы получает за него». — «Но ведь он был враг народа!» Твою мать! Вот видишь, я уже на эмоциях. Я не хотела этой касаться темы. Представляешь? Это вот восемь или девять лет тому назад, это вот в наше время. «Но ведь он же был враг». Он говорит: «Так его реабилитировали, у мамы все документы есть». — «Но ведь он же был враг народа!» Был враг народа, стал герой!

01:35:36

А какой банк?

А я не помню уже.

01:35:39

Не помните название банка?

Ну короче, он там проработал полгода и ушел. Потому что тоже... В общем, короче, ерунда. Шлейф этот так и будет тянуться: «враги народа». Вот я тебе говорю, в наше время, я образно говорю, девять лет тому назад. «Так он же был враг народа!» Он говорит: «Так его же реабилитировали, мама льготы за отца получает». — «Но ведь он был враг народа!» Говорит:

«Мама, мне так хотелось его послать на три буквы. Встать и уйти». Я говорю: «Сыночка, ладно, я не то перетерпела». Недолго там, его там в транспортную штуку взяли, он долго там и не проработал, и он ушел. Вот это всё тянется. Вот враг народа тебе, милая моя. Я просто не хотела этого касаться.

01:36:28

Но это важно очень.

Чего ж тут важного-то? Как мы были враги народа, так и остались. Важно. Чего там важного, дочка? Ты меня извини. Я думала, спросите про отца, я расскажу там пару слов, и на этом всё закончится.

01:36:44

Заканчиваем. А с какого примерно года вы в церемониях памяти стали участвовать? Вот у камня. Те, которые «Мемориал» [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.] организовывал.

А с 1994 года, всю жизнь, на Лубянку ездили постоянно, в Храм Христа Спасителя. Раньше мы везде были. Ездили везде, нас принимали, и везде наша организация. Я много возила людей, 10-12 человек. Это сейчас все старенькие, что уже никто не ходит, ничего. У камня были, потом Стена плача, вот мы открывали тоже там. Нормально всё было. Это всю жизнь так идет.

01:37:24

То есть вы как-то с 1990-х влились?

Да. Так я в 1990-х, вот да. В 1995-м, считай с 1995 года я веду всю эту организацию. У меня вырезки из газет есть, и всё. Где-то я и на совещаниях, где-то везде. Ну администрация пригла[шала]. Сейчас забыто, сейчас всё забыто.

01:37:45

То есть в 1990-е движение было активнее и власти больше внимания уделяли?

Больше внимания уделяли, да-да-да. А сейчас вот нет. Сейчас только вот единственное, что ГУЛАГ приглашает в память о жертвах репрессий. Варенька, дай бог ей здоровья. Приятно всё это.

01:38:03

Для вас важно, чтобы помнили?

Ну, конечно, важно.

01:38:07

«Для меня важно...»

Чтоб не повторилось. Для меня всё это важно, чтоб это не повторилось. Не по новой... Сейчас вот был у нашего камня, я выступала, у нас 30-го было, по телевизору показывали мое выступление нашему красногорскому. И я выступала, и говорила: «Всё, вот нас мало осталось, но мы всё равно, мы любим нашу родину. Мы не озлобились». Вот лично я о себе скажу: я не озлобилась. Прошла все азы ада. Что было, судьба умал[ч]ивает. Но я говорю, я не озлобилась. Люблю, любила и буду любить Россию. Я теперь живу в России. Был общий Советский Союз, но слава богу, всё. И вот моя, там даже в газете было, там тоже так мое выступление в газете в красногорской. Написано: «Валентина Ивановна пишет, что не озлобилась, что это прошло». Ну это ошибки, у каждого были, есть и будут. А что, сейчас не убивают, не расстреливают?

01:39:05

Ну и последний такой вопрос. Вот говорят, что... Можно услышать такую фразу: не надо ворошить прошлое, не надо про репрессии, про Сталина. Кто-то, наоборот, восхваляет Сталина и говорит, что репрессии — это что-то придуманное. Вот вам как кажется?

Я, Валентина Ивановна, скажу вам откровенно. Хотите записывать, хотите нет. Без прошлого не будет и будущего. Наша организация, Красногорская общественная организация жертв незаконных политрепрессий. Вот она, я, хотите, вам дам шапку этого листочка. Вот она

называется Красногорская общественная организация незаконных политрепрессий.

01:39:52

Она существует до сих пор?

Да, пока меня еще никто не увольнял, говорит: «Валентина Ивановна...» Ну, я вот болею с ногами, ведет все мои работы за меня Виктор Павлович, дай бог ему здоровья.

01:40:06

Вы председатель этой организации?

Да.

01:40:08

С какого года?

С 1995 года или 1994-го, плюс-минус, я уже не помню.

01:40:13

«Я председатель организации...»

Я председатель организации, ну, с конца 1994 года.

01:40:20

У вас было...

750 или 760 человек. На данный момент в нашей организации 200 человек. И то, знаете, 200 — я их не считаю. Тут пришли репрессированные, приехавшие в Красногорск, 1958-го, 1955-го года [рождения]. Какие они репрессированные? Я это не считаю за репрессированных. Ну, конечно, они, наверное, вот с этих локальных войн, которые были в наше время. Наверное, дети этих локальных войн, которые там, как она называется, вот был этот... Ой, господи, боже мой. Афган, может, дети этих афганцев. Ну, так это же не в счет. Я считаю, что это не репрессированные. У меня списки есть, и я всё... Вот сейчас вот были списки, я говорю, я беру только наших всех людей, 1930-е, 1940-е годы. Вот эти наши репрессии.

01:41:15

Валентина Ивановна, некоторые считают, что не надо ворошить прошлое — и особенно то, что касается сложного исторического времени, сталинских репрессий 1938-го, 1937-го года. Как вы считаете, как надо с прошлым обходиться?

Я тебе, дочка, скажу. Я Валентина Ивановна, мне 85-й год. Я тебе хочу сказать честно: без прошлого не будет и будущего. По-любому, хорошее, плохое, что бы там ни было в нашей стране, забывать это не надо, чтобы по новой не повторилось. Вот лично мое такое мнение. Всё надо вспоминать, и всё надо помнить, пока... Недаром слова говорят: пока мы помним, мы живы. Мы живем, пока мы помним. А иначе всё это может повториться. А нет гарантии, что это не повторится. Всё.

01:42:11

А как вы думаете, почему некоторые, довольно многие, люди не хотят рассказывать о том времени, даже если они прошли через репрессии, через ГУЛАГ? Почему об этом люди не хотят вспоминать?

Потому что толку никакого от этого не будет. Я тоже не хотела бы это всё... Но вот вы сегодня мне всё всполыхнули. Я не думала, что столько будет всех этих разговоров. Они не нужны никому, эти репрессии. Хорошо, что единственное, что помнит ГУЛАГ, он еще немножко вокруг себя всех собирает. И сейчас немножечко вот стали вспоминать, а раньше всё-таки замалчивали многое, многое.

01:42:52

Последний вопрос. Вы религиозный человек? Верите в Бога?

Верую. Я, Валентина Ивановна, я, доченька, я во всё верую. Я верую в Господа Бога. А запомни, доченька: без Бога мы не до порога. На всё воля Божья. Вот мы живем, а нашу

Россию Божья Матерь, она охраняет. И погибнут все страны, а наша Россия [нет], потому что мы все верующие в Бога. Мы славяне, мы спокон веков живем под Богом. И нас сохраняет Божья Матерь. Вот и всё.

01:43:30

Валентина Ивановна, а вот так уже, как вам кажется самой, почему репрессии в то время были возможны? Почему можно было так легко увести человека и просто его расстрелять?

За три, за три... Вот я тебе не нравлюсь, написала на тебя бяку — и тебя расстреляли.

01:43:49

Как такое получилось в нашей стране?

Ну что я могу на это ответить? Откуда я знаю, что так получилось? А что сейчас с Украиной делается? Знаете, как там гибнут штабелями и наши, и те? Ну а что они не поделят? Кому это надо? Земли мало? Страны мало? Ну куда, что они борются? За что они борются на Украине? Они же наши, славяне. Мы же все перемешались, украинцы, белорусы, русские. Мы же все одной крови, одной плоти. Чего там делить нам?

01:44:30

А еще, Валентина Ивановна, в таком уже почтенном возрасте вы думаете, почему ваш дядя тогда подписал вот эту бумажку, поставил свою подпись?

А я думаю, что его заставили. Это вот по истечении всех сроков, чтобы сберечь свою шкуру, он подставил другого. Потому что так было раньше. А отец мой, как и я, он открытый, он ничего в душе не хранил, он всё, что думал, то и говорил. А говорить нельзя было. Понимаешь? Вот поэтому, наверное, его и заставили сказануть. Тем более, видишь, как он сказал: сказали, что это будет в секрете, что это никогда наружу не появится. А ведь он глаза вылупил: «Откуда ты это всё узнала, как ты узнала?» Я говорю: «Дело отца читала». Он так за голову взялся, он тоже был в шоке, наверное, потому что думали, что ничего этого не проявится. Когда мне вот он сказал, что выборочно дадим почитать, а мне черным по белому сказали, что «с делом отца можете ознакомиться в прокуратуре». И я захотела всю подноготную взять, узнать про отца, только что я никому уже не сказала. Ни сыновья не знали ничего, ни жена не знала, никто ничего этого уже не узнал. Вот одна я несущу крест этот за всех.

01:46:02

А главная причина в деле какая указана, почему отец назван врагом народа, в деле как это объяснено?

А причины там никакой не указано, причины. Написано: колхозник. Это в деле я только читала, что он белопольский офицер. Да где это видано, что он белопольский офицер? Вон единственная фотография, я показывала, он в военной форме сидит, он в 1914 году пошел на войну, ему было 17 лет. Отвоевал, может, он и был там с какими-то белополяками, кто его знает? Ну это же в прошлом уже, никто этого не знает.

01:46:43

То есть, получается, его осудили за 1914-й год, за участие?..

Не знаю, это мои просто домыслы, что он был, а за что его судили, какой он враг народа, я не знаю. Он был обыкновенный колхозник, работал кузнецом в колхозе имени Молотова, в нашем, который развалился потом. Единственное, что... А это я уже в деле прочитала, а я говорю: «А какой же он офицер, где у него погоны, где у него звание, откуда он?» В деле, я говорю, папка вот такая, толстучая. Там на чердаке у нас чего только не было, в деле, Оксаночка, там и пулеметы лежали, и... Ой, да вообще не хочу даже. Когда ничего этого не было.

01:47:35

А справка о реабилитации. Это кто, мама?.. Минск или Москва выдала? Читай, дочка, здесь, кто там?

01:47:41

Это Красногорск, Московская область.

01:47:42

А, местная, местная, это реабилитация. Я оформляла уже реабилитацию, здесь у тебя справка о реабилитации, вот, видишь?

От 2001 года.

01:47:51

Да, но это признали меня, уже там изменилась статья.

Прокурор отдела реабилитации жертв политических репрессий. Справка о реабилитации. Трофимова Валентина Ивановна. Угу. Старший помощник генерального прокурора Российской Федерации, государственный советник юстиции. Так, это справка о реабилитации. А это?

01:48:25

Свидетельство о смерти.

А по-белорусски вы могли бы прочитать? Читайте, сейчас вот. О, тут написано на двух языках, по-белорусски и по-русски. Где мои очки?

01:48:48

Лагунович Иван Ильич.

Вот, Лагунович Иван Ильич, я по-русски читаю. 26 марта 1938 года. 1938 года, 41 год.

01:49:05

Расстрелян.

Расстрелян. Город Минск, Беларусь. Вот. Ясно? А это вот уже по-белорусски. Видишь? Не свидетельство, а пасведчанне аб смерці. Видишь как. Лагунович Иван Ильич 28 сакавіка, 26-го, 1938 года. Расстрелян. Город Минск, Беларусь. Всё. Вот мне дали, когда дело смотрела, мне дали это свидетельство на русском и белорусском языке. Справка о признании пострадавшим от политической репрессии. Это меня пострадавшей. Это российская прокуратура дала мне, рожденная, выписка из паспорта, всё такое. Что... Тройка, видишь? 14 марта 1938 года решением Тройки НКВД БССР подвергнут расстрелу.

01:50:08

Сейчас, вот это подержите еще. Снимаю.

01:50:11

Прокуратура Минской области. Так. 14 марта 1938-го, решение... Вот, 14 марта, 28 февраля его взяли, а 14 марта уже расстреляли. О, какой враг народа, бляха!

01:50:27

Ждать нельзя было.

Да, да. Это копия, по-моему.

01:50:31

Это копия. Из прокуратуры Минской области. 1994 год.

Ну, это когда уже я ездила вот туда. Всё.

01:50:45

Так, это то же самое.

Да, это то же самое. А это справка.

01:50:54

По-белорусски.

По-белорусски. Справка, выдана Трофимовой Валентине Ивановне, что отец Лагунович,

уроженец и житель Аронова Слобода Минской области, работал, колхозник колхоза имени Молот[ова]. Обвиняется в статье. Статья 69-я, 71-я, 72-я. Ой, господи! По особой Тройке. 14 марта приговорен к расстрелу. Ясно? Всё?

01:51:26

Сейчас вот это еще подержите. Я подниму у вас.

01:51:30

Заключение Минской областной прокуратуры.

Ну, прокуратуры, да.

01:51:34

Держите, держите.

01:51:40

В КГБ хранятся. Вот я и поехала в прокуратуру минскую.

01:51:48

Так. Это ваше заявление.

О признании пострадавшим. Это генеральная прокуратура мне [выдала]. Это Москва. Я писала заявление о признании пострадавшей от политических репрессий. И удовлетворено. «Справка об этом вам высылается. Желаем вам близких... хорошего настроения». Конечно, да. А это я брала восстанавливала девичью фамилию свою. Это с ЗАГСа справка. То, что я, видишь, Трофимов Владимир Павлович и Лагунович Валентина Ивановна, по требованию, это справка моя, что я девичью фамилию брала.

01:52:34

В 1958 году вы вступили в брак.

Да. Да. Направляет справку о реабилитации Лагунович, Ильича. Справка.

01:52:43

Так.

А это?

01:52:46

Это, по-моему, то же самое.

Согласно [нрзб]... А, статус обвиненного. Вы признаны подвергшейся политической репрессии и реабилитированы. С этим направляется соответственная справка. Ясно?

01:53:00

То есть, да, это справка из Конституционного Суда о том, что вы подверглись репрессии и реабилитированы.

И реабилитированы. Вот. Всё. Это в 1994 году.

01:53:16

Так. Это копия.

Это копия того же, мы уже смотрели.

01:53:19

Колхоз имени Молотова.

Молотова.

01:53:26

Так. Это конверт.

Это конверт, мне прислали. Я его и храню. Видишь, он уже весь такой маркий. Всё. Это мне прислали с Минска, когда я...

01:53:40

Минск.

Да. Да-да. Заказное письмо.

01:53:44

Из прокуратуры.

Из прокуратуры мне прислали. Это мои папа и мама. Это я сделала фотографии их разновозрастные. Папа здесь вот с той фотографии, где он у меня один. Молодой. А мама совсем другого возраста. Это я их увеличила, чтоб для памяти у меня, потому что иных фотографий у меня нет. А где-то фотография отцовская. Вот это у меня они. Это папа с мамой.

01:54:13

А на этой фотографии...

Вот с этой фотографии вот папа мой. Вот с этой фотографии я его и... Только без военной формы.

01:54:20

А в каком примерно году снята эта фотография?

Не знаю. Откуда знаю я? Это мне родственники дали. У кого-то она заваялась, эта фотография, и вот мне ее дали.

01:54:30

А родственники какие? По отцу?

Я же тебе, дочка, говорила. По отцу у нас нет родственников, они все от мамы отказались.

01:54:38

А у каких родственников заваялась эта фотография?

Ну, у маминых, господи, сестер. И это вот папочка мой. Вот он. А это вот моя маленькая. Нужна она, господи?

01:54:53

Да, нужна, конечно. Здесь вам сколько? Четыре года.

Четыре года. Вот одна единственная. Тоже кто-то, родственник, мне дал, говорит: «Валюшка, заваялась ты у нас».

01:55:04

Мама жива еще на этот момент?

Конечно, четыре года. Это война. Она и шила у меня всё.

01:55:14

Так, а здесь?

А это я в санатории.

01:55:18

В санатории еще перед тем, как...

В детдом попасть, да. Вот и...

01:55:24	Шляпка. Это мы целый час будем эти фотографии разбирать.
01:55:28	Нет-нет-нет. Быстро. Это тоже в санатории, в этом же санатории, просто там стриженные мы все, здесь я шапочку одела. А здесь все косыночкой повязаны. А это уже вот я, из детского дома когда выпускалась, 16 лет мне. Это уже всё.
01:55:51	Так, а здесь? А здесь мы... Это я не помню. Это, наверное, 1947-й или какой год, не знаю. Тут детство, вот тетушка моя, племянница, сестра двоюродная и я, белобрысая.
01:56:13	Так, а тетушек как зовут? Это тетя Соня.
01:56:16	Тетя Соня? Тетя Соня, Зося по-польски. А мы ее здесь уже перекрестили. Рая, Зина и Валя.
01:56:24	И Валя. Так. Это тоже вы? Это я выпускалась из детского дома.
01:56:30	Шестнадцать лет? Шестнадцать лет, да.
01:56:37	На этой фотографии? Я с братом. Брат в армии служил. Мы ездили к нему. Он в Уручье в Белоруссии служил.
01:56:45	Брат Володя? Брат Володя мой. А это брат Юзик с женой. И я. Это у меня в гостях они.
01:56:57	Это в каком примерно году? Ну я уже не помню годы все эти. Столетней давности.
01:57:05	В гостях в Москве, то есть здесь уже? Да. А это я вот приехала в Москву. Это к Юзику я приехала. Это 1955, наверное, уже год. Вот мы с братиком. А мы даже и похожи с ним.
01:57:21	Ну да, нос похож. А это Володя в армии. А это сестра моя Нина. Она уже тоже в мир иной ушла, царство

небесное. А это мой муж, сынулечка и Зоя. Чего-то ругаются. А это Юзик умер, и я вот фотографию одну на память оставила. У гроба прощаюсь я с ним.

01:57:58

Примерно какой год?

Не помню.

01:58:03

1990-й?

Нет, раньше.

01:58:06

988-й?

Ну вот можно даже посчитать: в 66 лет он умер, а он с 1928. Это где-то 1980-е, наверное. А это он в армии. Вот 1953-й год, Юзик в армии. Видите, с Новым годом присылал. Юзефка мой. А это я с Володиёй. Приезжала в Москву. Или, наоборот, к нему в армию ехала. И вот он Володя. Видишь какой? Это Чернобыль его сгубил. Нет, поперся в самое пекло.

01:58:44

Он был ликвидатором?

Ликвидатором, ага, АЭС. И в самое пекло на бульдозере поехал. И вот он сам там... Стопроцентнаяхватила, как она называется?..

01:58:55

Лучевая болезнь.

Лучевая.

01:58:58

А сколько лет он прожил?

Два года после ликвидации, 1988 год.

01:59:03

А всего сколько лет прожил?

53. Ну вот тут он. Я, Володя. Володя, брат, и его жена. Это у меня в Домодедове, они приезжали все. Это тетя Соня моя, царство небесное. Тоже тетушки все...

01:59:23

Тетя Соня — мамина сестра?

Мамина сестра, да. А это я с доски почета не сходила. Официант четвертого, пятого разряда, Валентина Ивановна. Везде всегда на доске почета. А это он в самоволку приходил. Он служил в Минске, в Уручье. А это его сестра двоюродная и брат двоюродный.

01:59:50

Это кто?

Это по маминой линии все. Это Антонка и Зина, сестра, царство небесное. Все они уже там. Вот это же Антонка. Вот он, морячок.

02:00:04

Это ваш двоюродный брат?

Да, двоюродный брат. А это мой второй муж. Это мы в Сочи с ним, царство ему небесное. А это мой сын женится, Игорешка. В школу провожают дочку свою, Настюшку.

- 02:00:26 **А сейчас сколько лет вашему сыну?**
62-й год.
- 02:00:31 **А дочке? Внучке, вернее?**
32-й.
- 02:00:39 **И эта фотография — вы уже председатель общества?**
Да, это с Волковым. С Волковым я.
- 02:00:45 **Кто такой Волков?**
Председатель Московской организации на Петровке. Он до сих пор работает. Ему 70 уже с лишним лет.
- 02:00:54 **А в каком году примерно вы здесь?**
Не помню. Мы каждый год ездили к нему.
- 02:00:59 **2010 год.**
2010 год.
- 02:01:04 **Так, ну всё. А вот тетушка еще.**
Тетушка и три племянницы мои все.
- 02:01:12 **Тетушку как зовут?**
Соня. Она еще жива, дай бог ей здоровья. Вот мы с ней вдвоем остались, две сестрички.